

И. А. Кривелев

В. И. ЛЕНИН О СОЦИАЛЬНЫХ КОРНЯХ РЕЛИГИИ

Установленные этнографической наукой факты свидетельствуют о том, что на земном шаре не существует ни одного народа или племени, которого миновала бы религиозная аберрация общественного сознания и человеческого поведения. В этом сказывается то обстоятельство, что религия представляет собою не случайное, а закономерное явление в истории человечества, с неизбежностью возникшее на определенной степени его развития. Этот тезис находится в полном соответствии с теорией познания марксистско-ленинской философии, трактующей отражение общественного бытия в сознании как диалектически-противоречивый, а не метафизически-прямолинейный процесс. Исторический материализм установил закономерность развития идеологий и показал то определяющее влияние, которое имеет социально-экономический базис общества на его идеологическое развитие; в данном случае мы имеем в виду влияние «извращенных» (К. Маркс) условий жизни на сознание людей.

Марксизм-ленинизм не приемлет, таким образом, те теории старых атеистов, которые прокламировали решающую роль обмана в возникновении и существовании религиозных верований и культов. Если бы религия возникла, по Вольтеру, тогда, «когда первый мошенник встретил первого дурака», то ее приходилось бы рассматривать как случайный эпизод в истории человечества, что совершенно не соответствует ни фактической стороне дела, ни методологическим основам нашего мировоззрения. Ленин всегда подчеркивал, что религия имеет глубокие корни как в сознании людей, так и в их социальном бытии на определенной степени развития общества.

Корни религии, вытекающие из характера и особенностей человеческого сознания, В. И. Ленин называл гносеологическими. Он писал: «У поповщины (= философского идеализма), конечно, есть *гносеологические* корни, она не беспочвенна, она есть *пустоцвет*, бесспорно, но пустоцвет, растущий на живом дереве, живого, плодотворного, истинного, могучего, всесильного, объективного, абсолютного человеческого познания»¹. Это означает, что религия органически связана с процессом нашего познания, но она есть, выражаясь производственным языком, отход этого процесса, шлак, побочный продукт, не выражающий самой сущности процесса. Это означает, с другой стороны, что в нашем созна-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 322. В нашей философской литературе была попытка отвергнуть само понятие гносеологических корней религии (Г. М. Гак, Учение об общественном сознании в свете теории познания, М., 1960, стр. 151—152) на том основании, что соответствующие высказывания В. И. Ленина относятся якобы только к философскому идеализму, а не к религии. С этим утверждением нельзя согласиться, ибо по существу В. И. Ленин рассматривает здесь понятие поповщины в его широком объеме, охватывающем и идеалистическую философию, и религию; это не снимает, однако, необходимости рассмотрения гносеологических корней религии в их специфичности относительно корней идеализма. В общем же следует сказать, что само допущение возможности идеологического явления, не имеющего гносеологических корней, представляется совершенно несостоятельным. Без них ни одно явление сознания не может ни возникнуть, ни существовать.

нии имеются такие свойства и особенности, которые делают возможным его отход от действительности и возникновение специфически религиозных заблуждений. Гносеологические корни религии представляют собой, таким образом, только возможность ее возникновения и существования. Реализуется же эта возможность лишь при наличии соответствующих социальных условий, которые формулируются В. И. Лениным в понятии социальных корней религии.

В разработке этого вопроса В. И. Ленин исходил из известных высказываний Маркса и Энгельса о социальной основе религии. Для Маркса религия, как «превратное мировоззрение», была «общей теорией превратного мира»; он рассматривал религию как «убожество» и видел в религиозном убожестве «выражение действительного убожества»; он характеризовал религию как «вздых угнетенной твари»². В своем знаменитом определении религии Энгельс подчеркивает, что в ней фантастически отражаются «те внешние силы, которые господствуют над ними (людьми.— *И. К.*) в их повседневной жизни»³. Речь идет, таким образом, от тех факторов бытия человека, которые тяготеют и господствуют над ним, обуславливая убожество его сознания, состояние и самочувствие «угнетенной твари». Неспособность человека реально преодолеть это состояние питает иллюзию возможности такого преодоления сверхъестественными способами.

В. И. Ленин развил эту трактовку проблемы и дал ее развернутое решение своим учением о социальных корнях религии.

Этот термин следует, как нам представляется, принимать в самом широком его смысле как обозначение условий общественного бытия людей. В доклассовом обществе это были прежде всего те условия, которые вытекают из отношения человека к природе, а также отношения, существовавшие между людьми и группами людей — половозрастными, родовыми, племенными. В антагонистических формациях межчеловеческие отношения приобрели классовый характер. Они становятся источником эксплуатации человека человеком и способны в еще большей мере питать религиозные заблуждения. В общем виде Ленин сформулировал эту концепцию в своем знаменитом тезисе о «бессилии дикаря в борьбе с природой», которое «порождает веру в богов, чертей, в чудеса и т. п.» так же, как «бессилие эксплуатируемых классов в борьбе с эксплуататорами... неизбежно порождает веру в лучшую загробную жизнь»⁴.

Возвращаясь неоднократно к этому вопросу, В. И. Ленин постоянно подчеркивал то значение, которое имеет в данном случае придавленность людей господствующими над ними социальными условиями их бытия. Для капиталистического общества он характеризует эти условия следующим образом: «Социальная придавленность трудящихся масс, кажущаяся полная беспомощность их перед слепыми силами капитализма, которая причиняет ежедневно и ежечасно в тысячу раз больше самых ужасных страданий, самых диких мучений рядовым рабочим людям, чем всякие из ряда вон выходящие события вроде войн, землетрясений и т. д.— вот в чем самый глубокий современный корень религии». Социальное бытие трудящихся в капиталистическом обществе вызывает у них «страх пред слепой силой капитала», и именно в этом страхе Ленин усматривал «тот корень современной религии, который прежде всего и больше всего должен иметь в виду материалист»⁵.

Страх, по выражению древнеримского поэта Стация, создавший богов (В. И. Ленин сочувственно цитирует этот афоризм)⁶, бессилие, постоянно ощущаемое человеком на протяжении всей предыстории общества, то состояние угнетенности и придавленности, в котором он пребыва-

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 414—415.

³ Там же, т. 20, стр. 328.

⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 12, стр. 142.

⁵ Там же, т. 17, стр. 419.

⁶ Там же.

ет, подавляют и травмируют его сознание. Человек теряет способность трезво и реалистически смотреть на вещи. Он чувствует себя заинтересованным в том, чтобы те иллюзии, которые сулят ему утешительные перспективы избавления от страданий, не разоблачались как порождения его собственной фантазии, но чтобы, наоборот, они сохраняли в его глазах значение реальности и подлинности.

Возникновение тех или иных иллюзий всегда возможно, ибо процесс познания вовсе не представляет собой прямой и торной дороги. «Познание человека,— писал В. И. Ленин,— не есть (respectively не идет по) прямая линия, а кривая линия, бесконечно приближающаяся к ряду кругов к спирали. Любой отрывок, обломок, кусочек этой кривой линии может быть превращен (односторонне превращен) в самостоятельную, целую прямую линию...»⁷. Но заблуждение может быть и не религиозным. Если оно не связано с верой в сверхъестественный мир и его «закономерности», по существу означающие отсутствие всяких закономерностей, то это обычное человеческое заблуждение, которое раньше или позже под влиянием фактов и уроков трудовой и житейской практики, а то и просто под давлением логики, распознается и устраняется. Такими «нормальными» заблуждениями изобилует даже история науки.

С религиозными заблуждениями дело обстоит по-иному. Их специфическая особенность заключается в том, что они связаны с верой в сверхъестественное, а эта вера не дает человеку возможности оставаться нейтральным к содержанию своих заблуждений. Если последние сулят ему выход из ситуации, которая представляется безвыходной, если они вселяют в него надежду в видимо безнадежном положении, если приносят утешение в безутешном горе, то люди предпочитают принимать такие заблуждения за истину. И здесь наступает то состояние сознания, которое Л. Леви-Брюль именует непроницаемостью для логики. В работах этого выдающегося ученого содержится много примеров того, как совершенно очевидная бессмыслица представляется «примитивному» человеку вполне осмысленной, хотя весь его, по-своему богатый жизненный опыт, да и элементарный здравый смысл, которого он в своем обычном мышлении отнюдь не лишен, буквально вопиют против нее. Правда, Леви-Брюль относит «мистическое мышление» к умственному обиходу лишь первобытного человека; на самом же деле сформулированные им особенности этого мышления присущи религии в целом на всем протяжении ее существования.

Решающую роль в том, что верующий человек оказывается заинтересованным в трактовке явного заблуждения как истины, играет эмоциональная сторона его сознания. Стремление к избавлению от страха и от чувства незащищенности, жажда утешения и надежды приводят к тому, что человек старается обмануть самого себя даже в тех случаях, когда при мало-мальски строгом размышлении ему становится ясно, что он заблуждается. Такая внутренняя необъективность, такое насилие над собственным сознанием возможны не только в религии, а и в самых разных областях человеческой жизни и деятельности. Но нигде этому явлению не открывается такое широкое поле, как в религии, ибо здесь человек получает мнимую возможность удовлетворять свои желания без ограничений. Не обходится, правда, без жестоких разочарований: молился такому-то богу или святому, ангелу, демону, просил их о помощи, а они не помогли; совершал магические манипуляции, рассчитанные на автоматический эффект, а его не получилось, и т. д. Но всегда в этих случаях приходит на помощь своего рода казуистика, достаточно гибкая и увертливая. Можно найти объяснение в неточном выполнении всех правил магической процедуры, в нерасположении бога или ангела к просителю, когда-нибудь разгневавшему его тем или иным грехом или

⁷ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 322.

проступком, можно просто усмотреть в божеской неуступчивости недоступный человеческому разуму таинственный смысл. И всегда остается надежда на то, что в конце концов сверхъестественное существо сменит гнев на милость или даже просто реализует свои таинственные предначертания, направленные ко благу человека. Да и, наконец, если иссякает надежда на милость божества в реальном мире, можно удовлетвориться ставкой на загробное воздаяние за земные страдания. «Того, кто всю жизнь работает и нуждается, религия учит смирению и терпению в земной жизни, утешая надеждой на небесную награду»⁸. И человека, который не в силах достичь удовлетворения своих нередко абсолютно насущных нужд и требований, манит призрачная перспектива их удовлетворения с помощью сверхъестественных сил.

Бессилие человека перед лицом природы и сил классовой эксплуатации — вот та формула, в которой концентрируется суть ленинского учения о социальных корнях религии. Ее содержание, однако, настолько существенно, что оно требует конкретизации и серьезных размышлений.

Речь идет не об абсолютном бессилии, а о состоянии, которое осознается как бессилие. Если первобытный человек объективно был бы абсолютно бессилён в борьбе с природой, он не выжил бы, и на первобытной стадии развития человечество закончило бы свою историю. Если угнетенные и эксплуатируемые в антагонистическом обществе были бы абсолютно бессильны перед лицом господствующих над ними классовых сил, то классовая борьба против угнетателей не имела бы никаких перспектив, а это опять-таки было бы равнозначно невозможности социального прогресса. Тот или иной человек, та или иная социальная группа могут на определенном этапе и в определенной обстановке оказаться в состоянии абсолютного бессилия, но когда мы говорим о корнях религии, мы имеем в виду бессилие как постоянно действующий фактор, а в этом смысле оно может трактоваться лишь в относительном плане. Состояние бессилия, пусть даже относительного, может вызвать в сознании людей ощущение абсолютного бессилия, порождающее потребность в религиозных иллюзиях. А фантазия в этих случаях достаточно услужлива для того, чтобы такие иллюзии создать.

Человек ведет борьбу за существование, используя реальные средства и действуя стихийно-материалистическими методами, которые дают ему возможность жить и в каких-то пределах удовлетворять свои потребности. Но он всегда хочет большего, и средства для осуществления его стремлений до тех пор, пока он не располагает ими в реальной действительности, ему приходится искать в сфере сверхъестественного. К. Маркс говорит в этой связи о «распаленной вожделением фантазии», создающей фетишистские иллюзии⁹. Магико-культурная практика мнимым, иллюзорным способом восполняет бессилие первобытного человека, она позволяет ему на время почувствовать себя сильным и забыть о своем действительном бессилии.

Нечто подобное происходит и в классовом обществе, но, конечно, на несравненно более сложной основе и в значительно более усложненных формах. Поражения угнетенных в реальной классовой борьбе обычно вызывают рост настроений безнадежности и бессилия. В такие периоды в широких массах распространяется мистицизм, создается благоприятная атмосфера для проповеди старых, а в особенности вновь возникающих религиозных учений. Именно в условиях социального безвременья религиозные идеи, проповедуемые различными «спасителями», легко находят приверженцев и превращаются в серьезную силу. Нередко, однако, социальные движения, облеченные в религиозную форму, носят прогрессивный характер, что происходит, конечно, не благодаря этой

⁸ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 12, стр. 142.

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 98.

форме, а вопреки ей. И это ни в коей мере не меняет основного тезиса о том, что в самих религиозных идеях выражено реальное или кажущееся бессилие данных общественных групп и классов в борьбе за революционное изменение существующих порядков.

В эпоху капитализма угнетенные получают возможность выразить свои классовые требования в адекватной форме, без мистифицирующего религиозного облачения. Ощущение бессилия перестает тяготеть над общественным сознанием пролетариата, ибо перед ним открываются грандиозные перспективы, остававшиеся неведомыми для угнетенных и эксплуатируемых масс предыдущих общественных формаций. Не удивительно, что в рабочем классе все больше растет атеизм, и духовенство различных религий и вероисповеданий получает с каждым десятилетием все больше оснований к жалобам на то, что оно «потеряло рабочий класс» (известное заявление папы Пия IX). В ходе борьбы за свои реальные классовые интересы угнетенные теряют вкус к погоне за религиозными призраками. Там, где бессилие сменяется силой, размывается социальная почва, на которой произрастают в общественном сознании религиозные сорняки. Построение коммунизма окончательно ликвидирует социальные корни религии. Тогда ее гносеологическая возможность станет абстрактной, не имеющей реальных шансов для своего претворения в действительность.

* * *

В годы реакции после революции 1905 г. марксистско-ленинскому атеизму в России противостояли многие враждебные идеологические и политические силы, в частности такие направления общественной мысли, как богоискательство, а внутри рабочего движения — богостроительство. Приверженцы этих направлений занимали в интересующем нас здесь вопросе, как и во многих других, сходную позицию: они обнаруживали корни религии не в слабости человека, а в его силе. Богоискатели типа Бердяева и Мережковского усматривали истоки религии в возвышенном и благородном, по их оценке, стремлении человека «найти бога», и сами рекомендовали искать его не столько на небе, сколько в собственной душе; впрочем, некоторые из них впоследствии обратились — таки к небу в его банально-православном смысле и облачились в рясы. Что же касается богостроителей, главным идеологом которых был А. В. Луначарский, то их концепция в данном вопросе была сформулирована одним из персонажей повести М. Горького «Исповедь» — странником Иной — в следующих словах: «Не бессилием людей создан бог, нет, но от избытка сил, и не вне нас живет он, брате, но внутри!»¹⁰ Можно найти немало историко-философских параллелей для такого решения проблемы.

В той или иной мере апелляция к «избытку сил» человеческих для объяснения религиозного феномена во всех случаях связана с идеализацией самой религии. Наиболее ясно это в отношении теологической догмы божественного откровения, — бог, дескать, открылся человеку именно потому, что он, человек, есть венец творения, ради которого создан мир; о бессилии его, стало быть, говорить не приходится. Но и более рафинированное идеалистическое решение проблемы ведет в сущности по тому же пути.

¹⁰ Как известно, одно время М. Горький примыкал к богостроителям; в повести «Исповедь» соответствующие взгляды отразились достаточно ярко. В дальнейшем он отошел от них. В связи с вопросом о социальных корнях религии он говорил об ощущении первобытным человеком «ничтожества своих сил перед лицом грозных сил зверя и леса, моря и неба, ночи и солнца» (А. М. Горький, Разрушение личности, Соч., т. 24, стр. 28).

Тем более приходится выразить недоумение и сожаление по поводу того, что за последние годы в зарубежной марксистской и советской литературе по религиоведению появился ряд высказываний, авторы которых оспаривают тезис о решающем значении бессилия человека в борьбе с природой и с угнетающими его социальными факторами как источника возникновения и живучести религии. Наоборот, утверждают некоторые из этих авторов, для мироощущения первобытного человека характерна уверенность в своих силах, вытекающая из его представления о том, что при помощи магических средств он может навязывать явлениям природы свою волю; отсюда-де оптимизм, господствующий в эмоциональном строе первобытной психики и находящий свое выражение в мифологии первобытного общества. Только, мол, в религиях классового общества ощущается «идеология отчаяния», а с нею и иллюзия возможности преодолеть это отчаяние сверхъестественными средствами¹¹.

В этих построениях первобытное общество оказывается отделенным резкой гранью от классового в том отношении, что на этой стадии человек якобы свободен от гнетущих переживаний, подавляющих сознание людей в их последующей истории. Знакомая и совсем не новая концепция золотого века! В. И. Ленину пришлось иметь с ней дело в его полемике с Булгаковым. В отличие, правда, от современных авторов, Булгаков усматривал основу счастливого положения первобытного человека не в том, что он при помощи магии повелевал силами природы, а в том, что он вел собирательское хозяйство и получал средства к существованию как «свободный подарок природы». Ленин назвал эту точку зрения «глупой побасенкой» и сказал по поводу нее: «Никакого золотого века позади нас не было, и первобытный человек был совершенно подавлен трудностью существования, трудностью борьбы с природой»¹². Бесчисленные факты, описанные исследователями-этнографами, подтверждают эту ленинскую точку зрения.

Общезвестно в этнографической литературе сообщение К. Расмуссена о том, как объяснял ему эскимосский шаман Ауа основы религиозных взглядов его племени: «Мы боимся духа земли, который вызывает непогоду и заставляет нас с боем вырывать нашу пищу у моря и земли. Мы боимся Сила (бога луны). Мы боимся нужды и голода в холодных жилищах из снега... Мы боимся Таканагапсалук, великой женщины, пребывающей на дне моря и повелевающей морскими животными. Мы боимся болезни, которую мы постоянно встречаем вокруг себя. Не смерти боимся мы, а страдания. Мы боимся коварных духов жизни, воздуха, моря, земли, которые могут помочь злым шаманам причинить вред людям. Мы боимся духов мертвых, как и духов животных, которых мы убили... И мы пребываем в таком неведении, несмотря на наших шаманов, что все необычное вызывает у нас страх. Мы боимся всего, что видим вокруг себя. Мы боимся всех невидимых вещей, которые тоже нас окружают»¹³. Такова «эциклопедия страха», выражающая душевное состояние людей, живших в суровых условиях Севера. Но в общем эта характеристика может быть распространена и на народы, обитающие в других географических широтах. Вот что сообщал исследователь относительно племени бахунда с верхнего Конго: «Эти бедные чернокожие живут во власти закона страха—страха болезни, страха несчастья, страха смерти, страха всех тех зол, которые причиняются либо преступными людьми (балози или колдунами), либо духами (базиму)»¹⁴. А другой исследователь сообщает относительно племени горных дама из Юж-

¹¹ А. К а ж д а н, Самая древняя история, «Новый мир», 1969, № 3, стр. 277.

¹² В. И. Л е н и н, Полн. собр. соч., т. 5, стр. 103.

¹³ Кп. R a s m u s s e n, Intellectual culture of the Iglulik Eskimos, 1929, p. 56.

¹⁴ Цит. по Л. Л е в и - Б р ю л ь, «Сверхъестественное в первобытном мышлении, М., 1937, стр. 14.

¹⁵ Там же, стр. 14.

ной Африки: «Если мы спросим, в чем заключается жизненный нерв и туземной религии, мы получим простой ответ — страх, ничего кроме страха! Гамаб (бог), который не внушает страха, не пользуется почитанием. Но вот предки, пребывающие в жилище Гамаба и преждевременно обрывающие нить жизни, — их следует бояться. Надо бояться священного огня, так как он может помешать успеху охоты. Следует также бояться духов покойников, так как их появление приносит смерть. Вся жизнь язычника горных дама от детства до старости запечатлена страхом смерти»¹⁵. Конечно, племена и народы, о которых шла здесь речь, не могут считаться первобытными в собственном смысле этого слова, но вряд ли люди на том этапе эмоциональной жизни не находились под влиянием тех же факторов, разве только в еще большей мере.

Откуда же берется то состояние страха, в котором постоянно пребывает человек на ранних стадиях общественного развития? Само собою разумеется, из его бессилия, которое рождает страх и подавленность. Потребность в защите от этих эмоций и неуверенность в том, что защита может быть найдена в естественных средствах борьбы за существование, побуждает фантазию человека измышлять религиозные иллюзии; доводы же рассудка подавляются.

Другое дело, что, приняв религиозно-магические меры к ограждению себя от опасности со стороны враждебных сил, человек может почувствовать себя спокойнее и обрести некоторую степень надежды на то, что «все обойдется». Можно назвать это состояние «гордой уверенностью», «оптимизмом» и т. д., но это ни в коей мере не поколеблет ленинского тезиса о бессилии как основном социальном источнике религии. Ибо реально здесь является именно бессилие, и только из него возникает «гордая уверенность», но только засоряющая мозги людей, но и направляющая человеческое поведение по принципиально неправильному пути. В. И. Ленин указывал на то, что религия не только появляется в результате бессилия и придавленности, но и, возникнув, закрепляет это состояние; в этом сказывается ее реакционная роль даже на самых ранних стадиях ее существования. Отказ от такой трактовки может повести к совершенно неправомерному и неправильному по существу приукрашиванию религии и ее роли в общественном развитии. Некоторые авторы обращают внимание на то, что, по Марксу, религия есть не только «выражение убожества», но и «протест против убожества»¹⁶. Они упускают при этом из виду, что этот протест К. Маркс рассматривает как бесплодный и иллюзорный, почему здесь же, несколькими строками ниже, заявляет: «Упразднение религии, как иллюзорного счастья народа, есть требование его действительного счастья».

Какие могут быть выдвинуты аргументы против тезиса о бессилии как источнике религии? Мобилизуется несколько этнографических фактов, свидетельствующих о том, что в быту некоторых народов, живущих в более тяжелых условиях, чем другие, практикуется «меньшее количество» магических обрядов. Вот, мол, эскимосам трудней живется, чем меланезийцам, а обрядов у них меньше. Теоретический анализ поставлен в таких рассуждениях на строго арифметические основы: здесь колоссальное количество табу, там их меньше. Если даже отвлечься от «потолочного» характера этих арифметических величин, то нельзя не указать на несуразность самой постановки вопроса; бывает в количественном отношении меньше число обрядов или запретов, но значительно более «содержательных», насыщенных, эмоционально напряженных. Арифметикой здесь ничего не докажешь.

Выдвигаются и доводы, так сказать, социологического порядка, по которым в классовом обществе не всегда наибольшую религиозность обнаруживают угнетенные и обездоленные слои населения, пребываю-

¹⁵ Н. Vedder, Die Bergdama, Hamburg, 1923, Bd. I, S. 176.

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 415.

щие в бедности или даже в нищете; в современном буржуазном обществе пролетариат менее религиозен, чем буржуазия, а он живет, конечно, куда в большей нужде, чем она... И этот аргумент бьет мимо цели. Именно потому, что с каждым поворотом современной истории рабочий класс чувствует себя все сильнее, религиозные предрассудки в его сознании все больше уступают место научному мировоззрению, противоположному религии.

Доходит дело до того, что ставится под сомнение даже то стимулирующее воздействие, которое оказывают войны на религиозные настроения масс. Но широко известно и не требует особых доказательств то влияние, которое было в этом отношении оказано тяжелыми событиями второй мировой войны. А что касается первой мировой войны, то мы находим яркие высказывания по этому вопросу у В. И. Ленина.

В конспекте реферата, с которым он собирался выступать в Первомайский праздник 1915 г., дается перечисление общественно-психологических явлений, связанных с войной; и на первом месте под литерой α фигурирует пункт: «Отчаяние и религия»¹⁷. В более развернутом виде В. И. Ленин говорит об этом в статье «О поражении своего правительства в империалистической войне». Он констатирует, что война «не может не вызывать в массах самых бурных чувств, нарушающих обычное состояние сонной психики». Тут же следует вопрос о «главных потоках этих бурных чувств». Первый же пункт ответа на этот вопрос гласит так: «Ужас и отчаяние. Отсюда — усиление религии. Церкви снова стали наполняться, — ликуют реакционеры. „Где страдание, там религия“, — говорит архиереакционер Баррес. И он прав»¹⁸. Обстановка войны концентрирует как в фокусе и в огромной степени усиливает все отрицательные эмоции, переживаемые массами под влиянием социальных факторов, характерных для условий жизни в антагонистических формациях.

В зарубежной марксистской литературе порой высказываются теоретически несостоятельные и по существу апологетические в отношении религии взгляды. Среди них нашедшее свое выражение и у советских авторов положение о том, что источником религии является потребность, испытываемая в ней обществом. Каждое общество, говорят приверженцы этой концепции, нуждается в «регулятивной системе», т. е. совокупности институтов, способствующих тому, чтобы оно сохраняло свое статус-кво, свое внутреннее устройство, свое равновесие в существующем положении; религия и является одним из компонентов этой регулятивной системы. Она и возникает, и существует в порядке удовлетворения потребности общества в таком элементе его регулятивной системы¹⁹.

Авторов этой концепции, по-видимому, не интересует вопрос о том, какова классовая структура того общества, о котором идет речь, и одинаково ли нужна «система» классам господствующим и угнетенным. А стоит только поставить этот вопрос, и станет ясно, что потребность в религии как элементе регулятивной системы испытывают классы, господствующие в эксплуататорском обществе. Что же касается угнетенных, то их классовым интересам не только не соответствует, но прямо противоречит та роль, которую играет религия в отношении обеспечения устойчивости существующего эксплуататорского строя.

У угнетенных и эксплуатируемых потребность в религиозных иллюзиях — явление совсем иного порядка, чем «потребность общества в регулятивной системе». Здесь действует тяготение к «духовной усадле», выражаясь словами К. Маркса, к «иллюзорному счастью» в условиях, когда недостижимо действительное счастье, потребность в духовном опи-

¹⁷ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 26, стр. 379.

¹⁸ Там же, стр. 291.

¹⁹ См. Ю. А. Левада, Социальная природа религии, М., 1965.

уме. Та же потребность действует и в доклассовом обществе. Здесь она обуславливается в основном гнетом сил природы. Но коренится она не в каких-то абстрактных потребностях «общества в целом», а в том самом бессилии, которое наши авторы сбрасывают со счетов.

Теория «регулятивной системы» прямо и непосредственно связана с социолого-этнографической концепцией функционализма. Общество, с точки зрения этой концепции, нуждается в том, чтобы те или иные его институты выполняли определенные функции, обеспечивающие его жизнедеятельность и устойчивость; при этом имеется в виду общество в целом без учета его внутренней расчлененности и того обстоятельства, что к различным составляющим его классам та или иная функция, тот или иной институт могут находиться отнюдь не в одинаковом отношении.

Но, может быть, для эксплуататорских классов религия представляет ценность и интерес только в силу ее «регулятивной функции»? Они же не бессильны, над ними не тяготеет боязнь голода, откуда здесь взяться настоящей, неподдельной религиозности?

Если отвлечься от изрядной доли лицемерия и циничного политического расчета, которая содержится в демонстративной набожности верхов эксплуататорского общества, и взять распространенную среди них действительную религиозность, принимающую иногда даже формы иступленного мистицизма, то корни этой религиозности следует искать опять-таки не в хорошей жизни. Боязнь за свое положение, за свои доходы, за власть в обществе тяготеет именно над имущими классами в эксплуататорском обществе. Известно, какую волну самоубийств вызвал мировой экономический кризис 1929 и последующих годов среди капиталистов и банкиров, биржевиков и торговцев. Колебания биржевых курсов и в «нормальное» время представляют собой источник постоянного беспокойства для бизнесменов, а происходящие нередко потрясения в этой области вызывают настоящую панику среди них. Современной буржуазии в целом есть чего бояться: роста революционной сознательности рабочего класса, экономического и социального прогресса народов, освободившихся от колониального гнета и, главное, всестороннего развития стран социалистического лагеря. А отдельным группам буржуазии и каждому ее представителю приходится бояться и за свою собственную судьбу — не быть съеденным своими конкурентами, не разориться бы и т. д. И страх этот коренится в бессилии, в неспособности правящих классов системы империализма управлять своей судьбой и, прежде всего, в невозможности изменить закономерный ход исторического процесса, ведущий к крушению системы частной собственности.

Многочисленные исторические факты свидетельствуют о том, что чем более шатко положение той или иной господствующей группы эксплуататоров, тем сильнее распространяются в ней настроения мистицизма и «богоискательские» движения. Ярким примером в этом отношении может служить духовная атмосфера, сложившаяся в придворных кругах царской России накануне революции 1917 г. Царь с царицей были поклонниками «старца» Распутина, в котором они видели чуть ли не воплощение Христа; в предчувствии грядущих потрясений, в перспективе неизбежного краха вся придворная камарилья ударилась в безудержный мистицизм. И здесь потребность в религиозных переживаниях коренилась в остро ощущавшемся бессилии.

В общем, не от «радости бытия», как писали в разное время философствующие апологеты религии, люди испытывают потребность в религиозном самообмане, а от унижающего человеческий образ страха и бессилия. Такое состояние сознания обуславливается преимущественно социальными причинами, поэтому мы рассматриваем его в плане проблемы социальных корней религии. Но есть одно обстоятельство, которое осложняет вопрос и вносит в сферу его рассмотрения некоторые факторы, имеющие естественно-биологическое значение.

В качестве живого существа человек испытывает переживания, связанные с особенностями его организма и с сознанием неизбежной смерти. В свое время М. Н. Покровский выводил из страха смерти происхождение религии в целом; эта концепция была заслуженно подвергнута критике в нашей литературе. Нельзя, однако, отрицать того, что страх физических страданий, болезней и, тем более, смерти играет значительную роль в поддержании того духовного состояния, которое вызывает потребность человека в религиозных иллюзиях. В своем конспекте работы Фейербаха «Лекции о сущности религии» В. И. Ленин специально выделил и выписал положение о том, что «особенно *смерть* порождает страх, веру в бога»²⁰. Не случайно во всех первобытных и позднейших культурах центральное место занимает шаманско-знахарское врачевание. Безрадостная перспектива неизбежной смерти способствует тому, что создаваемые религиозной фантазией представления о загробной жизни кажутся человеку спасительным выходом из положения. Даже невозможность того, что в будущей жизни придется переносить такие неприятности, как адские наказания, не лишает призрака загробного существования его привлекательности, тем более, что эта угроза в некоторой мере нейтрализуется всем арсеналом приемов покаяния, которым располагает религия; к тому же наряду с угрозой ада в религии фигурирует и приписка райских блаженств...

При всей биологической специфичности указанных обстоятельств необходимо иметь в виду, что в некоторых рамках и они имеют социальную основу. Ставка на помощь сверхъестественных сил в случаях болезни и связанных с нею физических страданий имеет тем меньше значения, чем более сильны научные методы медицины и здравоохранения, а их развитие, конечно, является социальным процессом. Незыблемым, правда, остается факт неизбежности смерти каждого индивидуума. В какой-то мере он всегда питает у человека настроения, могущие при благоприятных для этого условиях способствовать возникновению или поддержанию в нем склонности к религии. Тем не менее и в этой, несомненно биологической, проблеме есть социальный аспект.

Средняя продолжительность жизни человека последовательно возрастает в ходе прогрессивного развития общества. В дальнейшем она будет все больше приближаться к тому пределу, который связан с исчерпанием в организме всех его жизненных сил и с нормальным биологическим ощущением близости конца, воспринимаемой без горечи и страха. В условиях грядущего коммунистического общества, когда длительность человеческой жизни возрастет до этого предела у всех членов общества, фактор страха смерти должен потерять свое подавляющее психику значение.

* * *

Как и всякое общественное явление, социальные корни религии не могут не быть историческими. Это значит, что их конкретные формы всегда определяются той ступенью развития, на которой находится общество в данный момент, и тем уровнем, которого достигли на этой ступени разные стороны его материальной и духовной жизни. Но помимо этой широкой трактовки понятия историчности, в учении В. И. Ленина о корнях религии фигурирует и более конкретная, более узкая его трактовка. Наряду с «экономическими» корнями религии, о которых говорит Ленин, имея в виду современную той или иной религии социально-экономическую обстановку, он применял еще понятие и «исторических» корней, сопоставляя этот термин с первым²¹. В такой трактовке понятие

²⁰ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 45.

²¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 12, стр. 145.

исторических корней религии означает те социальные условия, которые когда-то в прошлом породили соответствующие религиозные верования и которых в настоящее время уже не существует. Как правило, эти верования не исчезают одновременно с породившими их условиями и обстоятельствами. Они откладываются в общественном сознании как некая сумма, как итог предшествующего развития, как наследство от ушедших поколений, и могут существовать еще длительное время, будучи внешне лишены «собственной» социальной почвы. Мы имеем в виду не только содержание религиозных представлений, но и то обстоятельство, что склонность к религии, потребность в ней может питаться унаследованными от прошлого психологическими стимулами. Именно таково содержание того понятия, которое обозначается обычно термином «пережитки прошлого в сознании».

В условиях социалистического общества постепенно теряют свою силу те социально-экономические факторы, которые на протяжении предшествовавшей истории порождали и поддерживали религиозные верования. Преодолеваются социальные корни религии. Но длительное время они продолжают действовать в качестве исторических, обуславливая живучесть религиозного мировоззрения и задерживая процесс его преодоления. К этому следует добавить, что и в социально-экономической области еще долгое время существуют в период социализма пережитки, «родимые пятна» предшествовавших стадий развития общества, и эти пережитки, в свою очередь, представляют некоторую питательную почву для религиозных верований. Диалектичность исторического процесса сказывается и здесь во всей своей силе.

SUMMARY

Religion is no accidental but a regular phenomenon appearing at particular stages of the history of humanity. Human life and consciousness both in primitive societies and in antagonistical social structures have certain features which make the rise and tenacity of religion inevitable. Lenin characterized these features as the gnoceological and the social roots of religion. He pointed out that the former lead merely to the potentiality of religion; this becomes realized only under suitable conditions. The social roots of religion stem from man's impotence before the forces of nature and class exploitation; **this** deforms and injures his consciousness to the degree of losing the capacity for distinguishing between the actual and the fantastic.

The author sets forth these views of Lenin and disputes the opinions of some modern specialists on religion who see the causes of religion not so much in negative social factors as in the requirements of society and of the individual interpreted in an abstract manner.
